

“соответствие действительности”, но и *соответствие свободе*¹. Развивая эту мысль, данный автор отмечает: «Если реальность, сотворенная человеком, соответствует должному, то ее и называют *истиной в подлинном смысле* этого слова. Понятие “истина” имеет слишком высокий смысл, чтобы определять ее как соответствие знания действительности (Аристотель). Это не истина, а *верное* знание. Истина обретается страданием и мудростью, а не экспериментом, как верное знание. В Евангельском изречении “Я есть путь, истина и жизнь” заключено именно такое понимание истины»².

Введение ценностного компонента в понимание истины сообщает мышление не одно только «отражение» реальности, но и мощный импульс *проектирования* реальности с позиций того, что достойно человека.

ПРОБЛЕМА СТАТУСА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

М.А. Ершова

Академическая школа русской религиозной философии последние пять-семь лет стала привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей (С.В. Пишун, В.Ю. Пинчук, и др.). Это, на наш взгляд, закономерно. Ведь согласно авторитетному мнению классика истории русской философии В.В. Зеньковского, именно в стенах духовных академий формировались оригинальные черты русской религиозной философии, прославившейся на весь мир именами Н.А. Бердяева, о. Павла Флоренского, Вл. Соловьева и многих других. Признавали эту преемственность и сами великие русские мыслители. Так Вл. Соловьев называет своим учителем П.Д. Юркевича – профессора Киевской духовной академии, Н.А. Бердяев высоко ценил труды В.И. Несмелова (профессор Казанской академии), а о. Павел Флоренский сам преподавал в Московской академии. Таким образом, обращение к академической философии –

¹ Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006. С.57.

² Гончаров С.З. Логико-категориальное мышление. Ч.1. Субъективная основа возникновения и развития мысли. Екатеринбург, 2008. С.99-100.

это исследование истоков и корней русской религиозной философии вообще. Однако, необходимо заметить, что в духовных академиях формировалась и собственная школа философствования, развитие которой было насильственно прервано арестами, ссылками и расстрелами 20-30 годов XX века. Данная статья посвящена творчеству одного из самых выдающихся представителей духовно-академической школы, профессору Московской академии – С.С. Глаголева.

Большое внимание Сергей Сергеевич Глаголев уделяет проблемам научного знания. Он хорошо разбирается в физике, астрономии и математике. Глубокие познания в области естественных наук Глаголев сочетает с философской одаренностью и искренней религиозной верой. Именно поэтому ему интересны научные открытия не сами по себе, а в их связи христианским мировоззрением. Неслучайно целый ряд его работ посвящен проблемам происхождения человека, возраста Земли, происхождения жизни. Профессор Глаголев являет собой счастливый пример союза веры и разума, ученого и богослова, философа и литератора. Действительно, его труды, демонстрирующие обширные знания и глубокое понимание сути проблем, читаются легко, слог ясен и изящен, «сюжет» захватывает.

Среди многих других вопросов, С.С. Глаголев поднимает и одну из центральных проблем гносеологии – проблему истины. Анализ его понимания данного вопроса и посвящена эта статья.

Согласно распространенному мнению, истина – есть то, что ищет наука. При этом, научные представления об истине меняются: расширяются, углубляются, и это естественно, поскольку истина науке не дана, а наука не совершенна. Глаголева, собственно волнует вопрос о взаимоотношении истины и науки.

С.С. Глаголев убежден, что знание религиозное обладает той же степенью достоверности, что и математическое, но оно не принудительно как математическое, ибо свобода человека в религиозной сфере не насилуется. Человек верующий может проводить добросовестное исследование вопросов веры. То есть он не будет закрывать глаза на противоречия между верой и научными

данными, хотя будет убежден в мнимости этого противоречия – он будет разбирать его. «Оставляя в стороне религиозное значение такого исследования, должно будет признать научную ценность в открытии примиряющего начала»¹.

С другой стороны, Глаголев прекрасно отдает себе отчет в том, что высшей степенью достоверности для отдельно взятого индивида может обладать и заблуждение, если это заблуждение – основа мировоззрения индивида. Однако Глаголев категорически не согласен с расхожим мнением, о том, что всякое исповедание только вредит делу науки, ученый должен подходить ко всему объективно, или без предвзятого *credo*, без веры.

Здесь, можно сказать, мы и подходим к сути вопроса об истине и науке в постановке Глаголева. Жить без какого-либо исповедания истины, без *credo* нельзя. Естественно напрашивается вопрос: какое содержание вкладывает Глаголев в понятие истины? «Признавая субъективный характер нашего познания, истину определяют, как такую систему представлений, в которой нет внутренних разногласий и противоречий и по которой наши антиципации будущего совпадают с будущим – наши представления о том, что нам будет казаться, совпадает с тем, что потом нам кажется на самом деле. Мы не знаем того, что происходит в действительности, но для практических целей оказывается достаточно нам знать связь наших представлений и наших действий с последующими чувствами и представлениями»².

Это понимание можно, по мнению Глаголева, расширить и разуметь под истиной соответствие между бытием и мышлением. Сам же философ считает, что под истиной мы подразумеваем знание принципов сущего. Еще древние мыслители заметили, что мир есть процесс, и мы сталкиваемся с быванием, а не с бытием. Мы не можем любоваться дважды одной картиной, только не совершенство наших органов чувств создают иллюзию тождества. Та же текучесть и непостоянство характеризуют и мир духовный – наш внутренний мир. Однако, мы ищем устоев и постоянства. И за миром вечно меняющихся вещей мы предполагаем неизменную материальную

¹ Глаголев С.С. Истина и наука // Богословский вестник. 1908. Т.3. №11. С.402-403.

² Там же. С.405.

основу, а за изменчивыми движениями души – личность. «За миром бытия мы ищем бытия, за миром феноменальным мы ищем мира реального, а за кажущимся ищем действительного, мы хотим поднять с мира покрывало майи (грезы, обмана) и увидеть истину»¹.

Таким образом, относительно истины, по мнению Глаголева, необходимо иметь в виду следующее: каждому необходимо признавать нечто истиной; и никакое исповедание истины не может опираться на данные опыта. А коль скоро наука опирается на данные опыта, то никакое исповедание истины не может апеллировать к выводам из научного знания.

Одним словом, на территории экспериментального наблюдения нельзя утвердить всеобъемлющего мирозерцания, как не расширять эту территорию. Положительное знание вообще не может претендовать на знание принципов сущего, то есть на знание истины, потому что нет такой науки, которая бы занималась сущим – всякая наука имеет дело с феноменами. Всякая наука, состоит в том, что мы постепенно приучаемся не тратить лишних усилий для достижения цели. Для этого, в процессе развития науки происходит обособление одних дисциплин от других. Единый мир распадается под пристальным взором ученых на множество систем. Общей науки нет, есть только сумма наук. Синтез научных знаний невозможен, по мнению Глаголева, по двум причинам.

Во-первых, объем научного знания так велик, что нет такого человека, который бы смог овладеть им всем. Во-вторых, как не парадоксально это звучит, но принципиальные положения одной науки могут противоречить принципам другой. Выводы, признаваемые в рамках одной дисциплины обоснованными и доказанными, в рамках другой выглядят нелепыми и абсурдными. При этом речь не идет о противопоставлении наук гуманитарных и естественных, нет, все примеры, приводимые Глаголевым, касаются исключительно наук о природе.

Скептически относится мыслитель и к претензии философии на синтез научного знания. Так называемые научные картины мира, по мнению Глаголева, строятся не на основе научных данных, а на

¹ Глаголев С.С. Указ. соч. С.407.

основе религиозных или философских принципов. «Эти вопросы решают наперед установив, что в мире действуют только такие-то и такие-то принципы, что не может быть допущено существование таких-то и таких-то высших факторов, о которых говорит религия. Или наоборот, их решают во имя религии, отвергая научные предположения»¹.

Таким образом, наука, по сути дела, сама опирается на различные исповедания вер. Действительно, самодоверность нашего мышления не может быть доказана, но именно на убежденности в этой самодоверности стоит и наука, и философия. Мы верим, что в мире действуют неизменные законы, что у нас существуют обязанности к другим людям, что психические свойства других людей схожи с нашими... «Таким образом, наука заимствует свои принципы из того, что мы называем истиной, а не истина строится на данных науки»².

Все это позволяет Глаголеву предложить оригинальную формулировку вопроса относительно достоверности научных знаний. «Гарантируют ли нам принципы науки несомненность добытых ею теоретических результатов?»³ Основа любой естественной дисциплины – математика. Поскольку для выяснения ценности выводов необходимо исследовать доказательство, поэтому необходимо обратить внимание на доказательство в математике, и на прочность утверждаемых математическими доказательствами положений.

Глаголев приводит примеры, демонстрирующие неожиданную ситуацию. Многие доказательства, считающиеся основательными в других дисциплинах, не выдерживают математической критики. В частности, выражение «ноль деленное на ноль» считается в алгебре бессмысленным. Аналитическая геометрия строит на анализе этого алгебраического абсурда теорию касательных. А физика посредством этой геометрической теории решает целый ряд вопросов (падение и отражение света и звука от тех или иных поверхностей).

¹ Глаголев С.С. Указ. соч. С.410.

² Там же. С.417.

³ Там же. С.422.

Рассмотреть все примеры, предлагаемые Глаголевым, не позволяет объем статьи. Поэтому обратимся к выводу философа по данному вопросу. Он считает, что все эти «странности» в области научных доказательств дают нам полное право скептически относиться к выводам науки. Причем, научный скептицизм, по мнению Глаголева, полезен как религии, так и самой науке. «Мы лучше будем служить науке, если не будем переоценивать ее значения и, правильно смотря на науку, мы будем крепче держаться за веру»¹.

Осторожное отношение к науке Глаголев базирует не только на аргументах от математики, но и на аргументах от культуры. Так, сравнивая жизнь народов цивилизованных и диких, Глаголев обнаруживает следующую картину. Чем более цивилизовано общество, тем утонченнее жестокость. Цивилизованный человек, в отличие от дикаря, менее остро переживает радость и более остро страдание. Цивилизация, опирающаяся, прежде всего, на научные достижения, сделала человека более уязвимым и менее счастливым.

Опираясь на научные данные нельзя построить учение о сущем. Но еще менее наука полезна в построении учения о должном. О должном говорит религия. Наукой, по мнению Глаголева, восхищаются те, кто ею не занимаются. Поэтому вывод философа парадоксален и, можно сказать, остроумен: наукой необходимо заниматься. Но для того, чтобы не делать из нее кумира. А значит, если некто станет утверждать, что наукой доказано несостоятельность каких-либо религиозных положений, то этим не стоит смущаться. «Не смущайтесь, наука открывала в своем прошлом и произвольное зарождение, фактов которого нет доселе, наука предсказывала пути планет, оказывавшиеся неверными, наука говорила о двадцатитысячной древности Египта, и все это оказалось вздором»².

Подводя общий итог рассуждениям С.С. Глаголева необходимо отметить следующее. Истина религиозна по своему существу, потому что знание истины – это знание принципов бытия. Постольку поскольку и мир, и человек в мире есть лишь бывание, бытие и есть

¹ Глаголев С.С. Указ. соч. С.503.

² Там же. С.512.

подлинная реальность, которая в тоже время, в высшей степени идеальна. Реальное и идеальное, как известно, совпадают в абсолютном. Только абсолютное и есть истинное бытие. Вместе с тем абсолютное является одновременно и высшим идеалом. А значит, человек, стремясь к созданию своего «я», стремится к высшей реальности, к высшему идеалу. «Знание истины есть знание идеальных основ бытия и нашего отношения к этим основам. Такова истина по своему содержанию. Истина сообщается нам по откровению, такова она по своему происхождению»¹.

Наука базируется на некотором исповедании веры. Это исповедание может быть собственно религиозным, может являться искажением религии, а может быть отрицанием религии. В любом случае – не наука выступает основой истины, наука не есть истина, ибо наука занимается феноменами, а не бытием.

АКСИОЛОГИЯ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

Т.Б. Захарян

При обсуждении творческого потенциала личности в профессиональной и внепрофессиональных сферах жизни мы предлагаем рассмотреть некоторые аспекты теоретической и практической сторон проектной культуры.

Понятие «третьей культуры – проектной культуры», или «Дизайна с большой буквы» ввели английские теоретики дизайна в восьмидесятых годах прошлого столетия.² Основная задача Дизайна – «концептуализация и воплощение новых форм»³. Проектная культура выступает как «реальная проектность, как ценность и содержание многих видов деятельности человека и как *особый тип его мышления*» [курсив наш – Т.З.]⁴.

¹ Глаголев С.С. Указ. соч. С.412.

² Сидоренко В.Ф. «Третья культура» // Дизайн в общеобразовательной системе. М.: ВНИИТЭ, 1994. С.9.

³ Там же.

⁴ Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник / Под ред. Г.Б. Минервина. М., 2004. С.43.